Платонов А

9/V-88

По Стране Советов Правда-1988. 9 мая 1988 года с.4 №

Андрей ПЛАТОНОВ

знакомый и незнакомый

● В течение последних двух лет в нашей периодической печати одно за другим публикуются произведения крупнейшего советского писателя Андрея Платонова (1899—1951 гг.), ранее широкому читателю неизвестные. Художник редкой мощи, Платонов отразил жизнь первых послереволюционных десятилетий с необычайной полнотой и дальновидностью. Его творчество естественно и неповторимо соединяет в себе традицию народной литературы, идущей из глубины завершающегося тысячелетия, школу классического русского реализма, художественные искания первой трети нашего века и тематику тогдашней текущей советской литературы. Сквозь призму платоновского искусства революция предстает перед современным читателем как актуальный опыт, который ждет деятельного осмысления.

В ДВАДЦАТЬ первом году в Воронеже в редакции городской газеты заговорили однажды о голоде в Поволжье, и Платонов, тогда совсем молодой, сказал: «Нужно страдания волжан разделить на всех людей России, в равных долях, чтобы почувствовать всем, что такое голод. Пусть каждый узнает это на себе и несет на себе этот груз страданий».

Сыну железнодорожного слесаря, парню с воронежской степной окраины жизнь представлялась бескрайним гулким пространством, в котором обитает бессчетное человечество, а справедливость и благо распределяются, как паек. Чем бы он ни занимался — мелиорацией, электротехникой или литературой — он стремился спасти: землю — от засухи, пространство — от темноты, человечество — от самоизживания. По природе своей он был преобразователем и спасителем. Спустя восемь лет в романе «Чевенгур» он скажет: «...есть примерно десять процентов чудаков в народе, которые на любое дело пойдут — и в революцию, и в скит на богомолье».

Он принадлежал к этой породе и пошел в революцию, не помышляя, однако, ни о власти, ни об избранничестве. Он вырос среди мастерового люда и в силу невероятной духовной и художественной одаренности видел, как на ладони, колоссальную энергию, скопившуюся в низах, энергию, которая ждет выхода, простора и формы. «Мы идем снизу, помогите нам, верхие»,— писал двадцатидвухлетний Платонов.

Его сюжеты — это вереница вдохновенных и отчаянных попыток двинуть жизнь, переустроить ее и обновить. Были полчища завоевателей. Платонова интересуют не они. Завоеватель приходит на готовое, он отбирает. У Платонова полчища строителей, изобретателей, рационализаторов, мастеров, преобразователей душ, общества, техники. Созидателей. Наследие Платонова в своей совокупности — это повесть и летопись современного массового творчества по всем сечениям человеческой жизнедеятельности — от семьи до космоса. К движению планет его герои так же причастны, как к движению поездов.

Он писал массу не как непроницаемую толщу и не как плеяду блистательных характеров, оставленных классическим реализмом. Он запечатлел бессчетные лики народного сознания, выпестованного на протяжении веков в трудах, бунтах, бегах и молитвах и переплавляемого сейчас в горниле революции.

Его художественная фантазия породила живое разнообразие типов пореволюционной России: преобразователей и правдоискателей, активистов и утопистов, жертвенных рыцарей революции и неистовых демагогов, чиновников, идеалистов, карателей и строителей. При этом ни один из его персонажей не коснеет в своей индивидуальности, не замкнут в ней, не окончателен. Все кипит, плавится, меняет форму, перетекает друг в друга. Протекающая в них жизнь не только несет их по историческому руслу, но связывает друг с другом, и изменчивые эти связи немыслимо предугадать. Их можно лишь узнавать, когда они уже явлены или решили себя обнаружить. Любой его персонаж, главный или десятистепенный — пульсирующий перекресток больших исторических путей. И куда ведут эти пути, каждый раз решается наново. Платоновские герои не столько выбирают, сколько являют собой бессчетность возможностей, размыкаемых и сводимых революцией, стоит только к ним прикоснуться. Он пишет лик человека в мире, считающем себя на миллионы. Человек в пекле этого мира — единственный платоновский небосвод. Он писал Россию массовую. Россию многомиллионную. В его творчестве она обрела свой образ — единый в мерцающем множестве видимых лиц.

Природа платоновского дарования исходно и неизменно универсальна. Кажется, перед Платоновым как художником раздвигаются недра характеров — в каждом и всяком он видит ряд и род далеких и близких предшественников. Смотрит без натуги, видит свободно и простодушно. В любом мгновении он открывает историю Земли и обитающего на ней человека. Его натура идеально пригодна для такого восприятия, создана для него. В подобных натурах жизнь как бы демонстрирует свою природу и рождает себе заступников.

Дар жизни для Платонова — чудо. И он боится порчи этого чуда как мастер, знающий цену труду и ремеслу. Убыль жизни ощущается им всякий раз как знак крадущейся катастрофы. В пьесе «14 красных избушек» один из героев говорит: «Они обращаются с жизнью как с заблуждением — беспощадно».

То, что современный человек стал брать в расчет лишь сейчас — реальность исчезновения жизни, реальность ее аннулирования и самоликвидации,— Платонов предчувствовал почти семьдесят лет назад. Трепет жизни в травах, толпах и в одинокой человеческой душе он ощущал как высшую данность и зыбкую ценность. Кажется, жизнь родила его творчество как средство самозащиты. «...А кто появится сюда, в том и жизнь запрещают»,— горюет один из его героев. Сюжеты Платонова, если брать их суть, все, как правило, придвинуты к краю жизни: еще шаг, одно неверное движение — и в пропасть. Труд жизни, которая хлопочет о том, чтобы сохранить себя и умножить,— в центре, в фокусе платоновского внимания. Один из его рассказов называется «В прекрасном и яростном мире». Такой он видел жизнь.

Бесчисленные герои Платонова — наверное, все — изображены в труде. Это может быть труд механика, землепашца, кузнеца, конструктора, труд познания, труд родов и материнства, труд любви как труд единения. Но это всегда напряжение творчества, страсть как мобилизация духа, ищущего взаимодействия с миром.

Что в новом, современном мире раб не работник — для Платонова очевидность. «Здесь, Федор Федорович, ведь не механизм лежит, здесь люди живут, их не наладишь, пока они сами не устроятся. Я раньше думал, что революция — паровоз, а теперь вижу, нет»,— говорит один из сокровенных платоновских героев Саша Дванов, для которого «коммунизм — душевное имущество». «Поскольку нет паровоза, постольку каждый человек должен иметь свою паровую машину жизни»,— размышляет его собеседник.— «Для чего ж это так?» — почти удивился он.— «Наверное, чтоб было сильнее,— сказал в конце Дванов.— Иначе не стронешься».

Саша Дванов из тех платоновских энтузиастов, кто «для лучшей удойности готов не пить молока», кто «готов уничтожить ночь для повышения урожаев», кто «мог понять ее (истину), только обратив в события своего района», кто «был согласен жить до смерти без куриного яйца, лишь бы узнать основное устройство мира», кто был взрыт ранами больше, чем укрыт одеждой. Но что отличает его особо (и в чем его упрекают даже): «Дванов только излишне чувствует человека, но аккуратно его измерить не может». Это платоновская самохарактеристика. Для Платонова, как и для Дванова, любой человек — проводник в глубину человеческого рода. Сквозь каждую фразу нам дается возможность заглянуть в трюмы массового, роевого (выражение Льва Толстого) сознания, как в кратер действующего вулкана. Оттого его фраза так загадочна, многозвучна и многолика, оттого так непостижимо и сокрушительно его «косноязычие». Чтение Платонова — это участие в ломке привычных понятий, когда раскалываются окостеневшие штампы обыденного казенного мышления. Когда напор живого искусства вспарывает мощный и мертвый пресс бюрократического дурмана, пропитавшего стиль языка, жизни, образа мыслей и действий. Искусство проходит слежавшиеся пласты казенной терминологии и на ее обломках, а порой из них творит речь, выражающую новую духовную реальность. Это блистательная реабилитация живого народного языка, который в прозе Платонова обнаружил бессмертность своих резервов.

В конце двадцатых — в начале тридцатых годов (это были годы первой пятилетки) Платонов создает свои наиболее крупные вещи — роман «Чевенгур», «бедняцкую хронику» «Впрок», повести «Котлован», «Джан», «Ювенильное море», рассказы и пьесы. В 1926 году он писал жене: «Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения. Именно — опошлять. А если бы я давал в сочинении действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать».

Пройдет всего три года, и Фадеев, возглавлявший тогда журнал «Октябрь», заявит: «Я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне поделом попало от Сталина— рассказ анархистский...»

В том же 1929 году Горький, еще недавно поддержавший первую книгу прозы молодого Платонова «Епифанские шлюзы», прочтет роман «Чевенгур» и напишет Платонову: «Человек вы — талантливый, это бесспорно, бесспорно и то, что вы обладаете очень своеобразным языком. Роман ваш — чрезвычайно интересен», но, продолжал Горький, «среди современных редакторов я не вижу никого, кто мог бы оценить ваш роман по его достоинствам». Своеобразие романа, как свидетельствовал Горький, «неприемлемо для нашей цензуры». Платонов же, посылая Горькому рукопись «Чевенгура», писал, что «в романе содержится честная попытка изобразить начало коммунистического общества».

Еще через два года, когда в журнале «Красная новь» была опубликована «бедняцкая хроника» «Впрок», ее назвали «клеветнической кулацкой вылазкой». Однако Платонов продолжает работать и создает повести «Котлован» и «Ювенильное море», тоже оставшиеся неопубликованными.

Критика была столь истребительной, а художественная фантазия Платонова столь неукротимой, что существовать рядом было уже невозможно. Он ушел на дно безвестности, нищеты и недугов, разделив судьбу тех «безымянных прочих», о которых писал в «Чевенгуре». Из поля зрения широкого читателя он исчез.

Лишь с конца пятидесятых годов — постепенно — Платонов стал возвращаться к читателю вместе с другими крупными именами отечественной словесности. И тем не менее основной Платонов еще не был издан. Нам понадобилась еще четверть века, чтобы его главные произведения — «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море» — увидели свет, а мы увидели мир, каким он открылся Платонову на драматическом рубеже конца двадцатых — начала тридцатых годов.

Можно сказать,— он издан, и это главное. Истинная творческая биография писателя восстановлена, ликвидирован также зияющий провал в истории советской литературы. Потребовался определенный уровень демократизации, чтобы Платонов был опубликован. Чтобы он был теперь понят, нужны зрелость и мужество — общественному сознанию, дух коллективизма нашей культуре. Это особая задача, потому что чтение Платонова не только радостно, но и многотрудно. «Я же просто отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается,— писал Платонов жене,— вообще писатель это жертва и экспериментатор в одном лице».

Труд, голод, разруха, сиротство, творчество стали у Платонова предметом большого искусства. Он написал их как коллективное потрясение и на этом плацдарме создал свою поэтику, воздвиг свой художественный мир. Он обнаружил, что творчество — социальное оно или техническое — способно истребить само себя, если под угрозой оказываются природные основы жизни. Виртуозы-мастера, гениальные изобретатели и самозабвенные борцы за всеобщее счастье, в изображении которых Платонов не знал ни устали, ни повторов, пройдя сквозь огненные трубы своего вдохновения и его реализации, обнаруживают тщетность своих инициатив. И это потому, что инициативы отчуждаются от человека, от его физических и духовных возможностей — если речь идет о текущем моменте; от его физической и духовной природы — если речь идет о всеобщем устройстве надолго. Вдохновение, труд и обезличенность написаны Платоновым как начала, гибельные друг для друга, пробиваются ли его герои к морю юности, водами которого они хотят обновить землю, или роют гигантский котлован для дома, в который «влезет всякий человек из барака и глиняной избы».

Ощущая себя частицей «населенного вещества земли», Платонов обнаружил способность массы быть мертвым и мертвящим капиталом, когда человек массы лишен суверенности. Возможность реализовать свой природный потенциал — в этом Платонов видел суть жизни. «Нельзя же думать кому попало». Это формула главного платоновского антагониста. Начав с покушения на мысль, этот «бессонный сатаноид» тут же переходит в наступление на жизнь и планирует для населения некое «принципиальное мероприятие», в результате которого «жить будут, а есть уже не захотят, у них настроение изменится». «Наша власть не страх, а народная задумчивость», — определяет свою программу один из персонажей «Чевенгура».

Роман «Чевенгур» — это энциклопедия социальных инициатив в их взаимодействии с реальной плотью жизни. Это сокровищница опыта, обобщенного поэтически, естествоиспытательски, духовно и укрупненного безбрежным состраданием, которым Платонов был одарен раньше всего. В повести «Котлован» это чувство Платонова доходит до высочайшего напряжения. Какие бы реки крови, слез и трудового пота ни проливались, каждая новая капля приносила ему новую острую боль.

В 1934 году Платонов создает повесть «Ювенильное море», одну из своих художественно наиболее совершенных вещей. И в том же году — рассказ «Мусорный ветер», герой которого — гениальный ученый, «физик космических пространств» с ужасом наблюдает, как «все видимые им людские количества либо погибали от голода и безумия, либо шагали в рядах государственной охраны». Обращаясь к бронзовому истукану, изображающему Гитлера (действие рассказа происходит в Германии), он говорит: «Ты первый понял, что на спине машины, на угрюмом бедном горбу точной науки надо строить не свободу, а упрямую деспотию... я не нахожу следа простого человека, я вижу происхождение животных из людей». Так фантазия Платонова выходила за пределы своей страны.

◇

«Искусство заключается в том,— писал Платонов,— чтобы посредством **наипростейших** средств выразить **наисложнейшие**. Оно — высшая форма экономии».

Слово Платонова — сверхплотно, но при этом оно не натужно, не тяжеловесно, а очень легко и внезапно. Эти неожиданные дали, открывающиеся в быстром и новом соединении самых обыденных слов, часто делают фразу Платонова столь же законченной и самостоятельной, как целое произведение. Фраза развертывается как приключение, случившееся с расхожим понятием, и тогда в нем открывается новая суть. Эту новую, еще скрытую суть Платонов обнаруживал в словах так же, как в людях.

Оттого, думается, хорошо бы издать словарь Платонова, и тогда бы мы увидели, какие новые смыслы созрели в нашем языке, а следовательно, и в нас самих.

Военный корреспондент «Красной звезды» Платонов писал с фронта жене: «После войны, когда на нашей земле будет построен храм вечной славы воинам, то против него... следует соорудить храм вечной памяти мученикам нашего народа... И встанет к жизни то, что должно быть, но не свершено. Творчество, работа, подвиги, любовь — вся картина жизни несбывшейся. И что было бы, если б она сбылась? Изобразить то, что в сущности убито — не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ, возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших,— лучший мир, чем действительный...»

В первый послевоенный год он пишет рассказ «Семья Ивановых» — о возвращении солдата с фронта к семье. И—любовь, невзрачное чудо чувства, которым эта семья себя восстанавливает. Рассказ был назван клеветническим и начал издаваться лишь спустя шестнадцать лет под другим названием — «Возвращение».

Современное возвращение Андрея Платонова — это не столько восстановление оборвавшихся связей его с читателем, сколько новостройка. К читателю возвращается неизвестный Платонов, но и читателю предстоит узнать в этом чтении новое о себе.

И. БОРИСОВА.

◇

На фото: Андрей Платонов, 20-е годы.